

СЛАВЯНСКИЕ ЭТЮДЫ: ЖИЗНЬ ЧЕЛОВЕКА В КУЛЬТУРЕ И ФОЛЬКЛОРЕ

И.А. СЕДАКОВА
(Москва)

РЕБЕНОК В СУДЬБЕ И ЖИЗНЕННОМ СЦЕНАРИИ ВЗРОСЛЫХ (АРХАИЧЕСКОЕ, УНИВЕРСАЛЬНОЕ И УНИКАЛЬНОЕ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БОЛГАР)

Взгляд на судьбу как на жизненный путь с обязательным прохождением определенных этапов (вступление в брак, появление потомства, своевременная «правильная» смерть) типичен для многих традиционных культур. Универсальным является и представление о том, что жизненный сценарий человека неразрывно связан с особенностями рождения и примыкающих к нему обрядов, когда и «определяется», «дается», «угадывается» или «моделируется» его судьба¹.

¹ В статье не рассматривается подробно сложная тема, откуда «берется» судьба. Однако, поскольку деторождение входит в понятие судьбы, отметим, что народная традиция дает весьма пеструю картину разнообразных воззрений на то, от чего зависит жизненный путь человека. Доминирующими представлениями являются следующие: судьба дается Богом, Богородицей; складывается под воздействием родового проклятия; распространено выражение «на роду написано» и др. У балканских и части западных славян сохранились представления о демонах судьбы, которые «назначают» судьбу младенцу. Кроме того, при появлении ребенка на свет интерпретации подвергаются все сопутствующие обстоятельства, толкуются внешние знаки на теле и пр. Считается, что судьбу изменить нельзя, но даже при такой детерминированности остается место для активной деятельности человека по «улучшению» и «исправлению» жизни, на что направлены развернутые магические комплексы.

Младенец выступает как объект, для которого «пишется» судьба, и как субъект, определяющий многие параметры жизненного сценария родителей, рода и – шире – окружающего мира (определенного социума). В данной статье анализируется второй вектор: *роль детей в судьбе взрослых*. В материалах, извлеченных из архивов и публикаций, а также экспедиционных данных автора статьи последних двух десятилетий можно выделить архаические, устойчивые моменты, которые сохраняются и воспроизводятся в современном сознании болгар. При этом делается попытка показать общеславянское и специфическое в болгарской культуре; для чего приводятся параллели из македонской, сербской и восточнославянских традиций.

Болгарская культура, как культура славянская и вместе с тем балканская, пережившая сложную историю неславянских влияний (включая 500-летнее османское владычество), дает исследователю выход на широкие кросс-культурные параллели по многим параметрам. Языковые и этнографические заимствования в ней переплетаются со славянской архаикой. Кроме того, оставаясь весьма патриархальным в своей основе, болгарское общество в последние годы проявляет повышенный интерес к национальной культуре, к возрождению и сохранению местных уникальных традиций (иногда это приводит к «изобретению», сочинению обрядов и фольклорных текстов). Вместе с тем заметно увлечение оккультными науками и «заимствованными» магическими практиками, поверьями из других, как славянских, так и очень далеких традиций (африканских, азиатских и др.). Эти тенденции – сохранение уникального, национального, «реконструкция» традиции и заимствование «чуждого» – характерны не только для Болгарии.

Тема рождения и воспитания ребенка, связанная в народных представлениях со сферой неизвестного, опасного, открыта для проникновения нового. Для нее типично подобно рода сосуществование разных практик и воззрений. Так, в наши дни в экспедициях при записи обрядов и поверий нередко приходится сталкиваться с тем, что жители исследуемого села интересуются магической практикой других областей страны. В условиях, когда в каждом доме есть радио и телевизор, немало информации заимствуется из передач по народной религии и оккультным наукам. И всё же свое, «опробованное» составляет основу традиции. Сожаление о том, что не записывали заговоры, приемы лечения и др., нередко высказывают в болгарских селах. Так, на вопрос, что делали в случае бесплодия, информантка ответила: *«Свекърва ми даваше некаква трева да пие и нещо баеше. Що не сам записала думичките? Това нали помага, в това вярвам»* («Моя свекровь давала пить отвар из трав и что-то шептала. Почему я не записала эти слова?! Это ведь так помогает, я в это верю») (зап. в 1997 г. от Донки Русевой, 1925 г.р., с. Равна, Провадийская община Варненской обл., Болгария [ЛАС]). Жительница другого села с гордостью сказала, что ей удалось записать от деда-знахаря ритуал снятия с младенца сглаза и теперь многие обращаются к ней за помощью² (зап. в 2000 г. от Павлинки Минковой, 1960 г.р., с. Шипково Ловечской обл., Болгария [ЛАС]).

В последние годы тема репродуктивности, родильная обрядность, этнография детства и материнства разрабатываются многими исследователями, причем нередко на основе экспедиционных материалов и с учетом современного преломления традиционных воззрений [Кабакова 2001; Белоусова 2002; Добровольская 2003; Власкина 2004 и др.]. Этой проблематике посвящены специальные сборники, в них же представлена и подробная библиография по славянским традициям [Рождение ребенка 1997; Родины 2001; Кодови 2002 и др.].

Сравнительный анализ имеющихся данных из разных областей Славии подтверждает, что за универсальным воззрением на

деторождение как на основную цель брака и естественное, природное предназначение женщины (супругов) в каждой традиции стоит уникальный комплекс терминологических обозначений, поверий, обрядов и фольклорных текстов. Отсутствие детей в семье воспринимается как несчастливая судьба супругов, горе, зло для дома, для всего рода и наказание, опасность для села. Терминология бесплодной женщины, бездетных супругов у всех народов, в том числе и у болгар, составляет обширную тематическую группу и частично основывается на архаических представлениях о причинах бесплодия. Растительные и животные коды мотива «неполноценности», «пустоты» бездетных эксплицированы и в болгарской лексике (*сухо дърво* ‘сухое дерево’, *ялова* ‘бесплодный’ – о растении и животном). К ним добавляется и представление о «мужской» физиологии женщины (*с мъжско сърце*, т.е. ‘с мужским сердцем, животом’), ср. полесское *баранятко, бугай* [Кабакова 2001, 203]. При этом распространенное в Болгарии представление о том, что дети – от Бога, не получает лексического воплощения (ср. яркие русские примеры: *«Бог не сирил»* (детей. – И.С.) [ТК Урала 2000, 101]; *«Богам не даная»* [Вятский край 2003, 13]).

Ритуал снятия сглаза с младенца совершает Павлинка Минкова. Фото автора. 2000 г.

² Вера в сглаз как причину недомогания до сих пор очень сильна в Болгарии – как в селах, так и в городах, даже среди интеллигенции.

Множество славянских паремий комментируют отсутствие детей в семье, ср. образные болгарские пословицы: «Семейството без деца – бунар без вода» («Семья без детей – колодец без воды»), «Има ли челяд, има и сполука» («Будут дети, будет и удача» [Мильов 1991, 55]; «Къща без деца – огин да я гори» («Дом без детей – пусть огонь его спалит») [Ловешки край 1999, 350]; «Къща без деца не е пълна» («Дом без детей не полон») [Родопи 1994, 119]³ и мн. др. Бездетная семья – частый мотив в болгарском фольклоре, ср. песню: «На чужди двори, Павльо льо, дечинки плачат, на наши двори, Павльо льо, ягънца бляят» («В чужих дворах, Павел, детки плачут, а в нашем дворе, Павел, ягнята блеют») [Родопи 1994, 119]. Предотвратить или излечить бесплодие (и таким образом способствовать правильности жизненного сценария взрослого человека) призваны многие ритуальные действия и вербальные формулы [Плотникова 1995, 166–168]. Они построены на универсальных мотивах фертильности и репродуктивности, но получают различную детализацию в разных традициях и, кроме того, демонстрируют неодинаковую сохранность в современной культуре.

Люди, находящиеся в браке, но не способные стать матерью и отцом, имеют в народных воззрениях низкий статус. Наоборот, высокий статус родителей – это универсалия на уровне культурной интерпретации природного факта, поскольку только цепь рождений обеспечивает продолжение рода⁴. В плане болгарской (балканославянской) специфики интересным представляется факт терминологизации деторождения как удачи, счастливой судьбы⁵, встречающейся в западноболгарской и македонской фольклорной традиции и не свойственной другим славянским языкам. Это заимствованная из греческого лексема «*ризи́к*» ('судьба, удача, счастье'), ср. болгарскую народную песню:

³ Ср. укр.: «Хата с дітьми – базар, а без них – кладбище» [Українці 2002, 308] и др.

⁴ Здесь действует модель, которую условно можно сравнить с матерешкой: в каждом ребенке уже «заложены» его дети.

⁵ Обозначение брака, жениха как судьбы, счастья встречается регулярно, ср.: болг. *къмет* – 'судьба, удача, замужество' [Седакова 2005], рус. *судьба, доля*.

*Сирмо, Сирмо, ризикарна,
Ако имаш два ризика,
Да ми родиш мъжко чедо,
Да ми родиш женско чедо.*

(Счастливица Сирма, Сирма,
Если у тебя счастье двойное,
Роди мне мальчика, сына,
Роди мне девочку, дочку.)
[Геров 1978, 79].

Наличие ребенка в семье – это своего рода троичная формула нормы, важная социокультурная составляющая жизни взрослого человека. Если первый компонент этой триады (**наличие**) осуществлен, то определяющим для судьбы взрослых (и нередко занимаемого ими места в обществе, их роли в обрядовой жизни) становится второй компонент формулы – **ребенок** с его качествами и свойствами, а также пол, количество детей, очередность и порядок их появления на свет. Здесь релевантны следующие бинарные оппозиции: здоровый / больной, мальчик / девочка, один / двое, много / мало⁶, часто / редко и некоторые другие. Немаловажно и последнее звено триады: если ребенок рождается не **в семье** (до замужества, вне брака, у вдовы, при долгом отсутствии мужа), это определяет судьбу матери, ее родных и всего села. Не случайно так много матримониальных мотивов вплетается в родильную обрядность, призванную обеспечить ребенку в будущем своевременное вступление в брак и появление законных детей [Седакова 1998].

Этнографический сюжет «девушка-мать» на полесском материале описан подробно Г.И. Кабаковой [Кабакова 2001, 154–156]. Считается, что незаконнорожденный ребенок отличается красотой и способностями, одаренностью, особым везением⁷, но

⁶ Многодетность тоже можно считать определенным жизненным сценарием. Отношение к «превышению нормы» различно. Так, в Болгарии считалось, что многодетная семья счастлива и полноценна, а в Полесье многодетная мать подвергалась насмешкам и уподоблялась животным (крольчихе и др.) [Кабакова 2001, 214–216].

⁷ «Копелетата са късметлици. Това е вярно. Затова казват: "Фърлила го майка на смет, ама родила с късмет"» («Незаконнорожденные дети – везучие. Это верно. Недаром говорят: "Мать его бросила на помойку, но родила со счастливой долей"») (зап. в 1993 г. от Мары Минчевой, 1905 г.р., с. Хилево Ловечской обл., Болгария [ЛАС]).

при этом на долю его матери выпадают страшные испытания⁸. Поскольку сохранять в тайне такое рождение запрещалось, повитуха сажала роженицу на осла задом наперед и возила по селу [Странджа 1996, 263] (ср. с действиями после первой брачной ночи, когда невеста оказалась невестственной). Матери незаконнорожденного не позволяли даже взглянуть на младенца⁹, которого сразу отдавали в другую семью [Ркс., без номера, с. Лесково, София]. «Девушка с ребенком» нередко обозначается бранной лексикой [Кабакова 2001, 154–155]. Это универсальное правило выполняется и в болгарской традиции, однако здесь терминология нередко заимствованная, неславянская (в основном турцизмы), без прозрачной внутренней формы слова, ср. диал. родопск.: *ажидия, братия, мастия, сюргун, урусия* и др. [Родопи 1994, 119].

Обратимся к вопросу, от чего (от кого), согласно народным представлениям, зависит правильное выполнение троичной формулы и, соответственно, нормальное исполнение взрослого жизненного сценария.

Появление детей, их количество¹⁰ «записано» в судьбе каждой женщины. При этом многие в Болгарии полагают, что рождение детей зависит от решения Бога и Богородицы. Бесплодие, таким образом, это Божье наказание. Бог не дает детей дурным женщинам [Ркс., 188], тем, кто ворует [Ркс., 271]. Представления о *роде, наследственности* играют важную роль в народных мотивировках многодетности¹¹ и, безусловно, развития у младенца определенных качеств. Свойства рода (болг. *рода, джинс, сой*) наследуются, поэтому уже при сватовстве думают о юноше и о девушке как о потенциальных родителях хороших / плохих детей. Полагая, что *«редко случается, чтобы из*

дурного рода хороший человек вышел», запрет сыну жениться мотивируют следующим образом: *«Момичето, може, да е добро, ама виж им джинса... Едно дете да имаш, ще се метне на джинса»* («Девушка, может, и хорошая, но род плохой... Будет ребенок, пойдет в их род») [Ловешки край 1999, 341].

Существует вера в возможность влияния одного человека на репродуктивную судьбу другого. Особыми способностями повлиять на деторождение (и, соответственно, на судьбу взрослых) обладает повитуха. Совершая магические действия с плацентой, она лишает родившую женщину возможности вновь зачать; этим вмешательством она может даже вызвать смерть и роженицы, и ребенка [Ловешки край 1999, 350]. Родители также пытаются наперекор заданной судьбе программировать будущее ребенка, производя действия с пуповиной, выбирая ему имя (имя – это и судьба, и сходство тезок, особенно в одном роду) [Седакова 2004]. Колдуны и знахари, недруги и недоброжелатели могут навредить супругам и обречь их на несчастливую жизнь без детей. Считается, что в семье не бывает детей из-за вредоносной магии, приуроченной к свадьбе, венчанию и направленной на лишение молодых их репродуктивных функций (болгарские представления об «испорченных» женихе и невесте – *завързан, завързана* – сохранились до сих пор). Опасаясь порчи и сглаза на свадьбе, тщательно выполняют все запреты и рекомендации¹².

В этом же плане можно рассматривать *проклятье*, которое в народной традиции считается одной из причин бесплодия супругов или смерти их детей в раннем возрасте. Особенно страшно проклятье матери [Ркс., 188, 267]. Большой силой обладает и проклятье со стороны крестных, оно распространяется на три поколения (зап. в 2000 г. от Павлинки Кучевой, 1960 г.р., с. Шипково Ловечской обл., Болгария [ЛАС]). Прокля-

⁸ Ср. белор.: *«Іх лёс і лёс іх маці несчастлівы. От іх отрэкалісь родныя, выгонялі із отцовскаго дома»* [Радзіны 1998, 127].

⁹ Несколько в ином контексте сохранилось представление о том, что, взглянув один раз на новорожденного, мать, собиравшаяся отказаться от него, уже не сможет это сделать.

¹⁰ *«Колькі Бог дае, толькі іх і е»* [Радзіны 1998, 59].

¹¹ «Примечают, коли мать *ребятна* – у ней много детей, то и дочь ее *ребятна* будет (курсив мой. – И.С.). Недаром говорят: *«Каково семья, таково и племя»*» (Архангельская обл.) [Науменко 1998, 23].

¹² Ср. весьма показательные примеры из сербской и болгарской традиций, где типично женские работы воспринимаются по отношению к деторождению как вредоносные (шитье) и как продуцирующие (прядение): если на свадьбе во время венчания шьют – не будет детей [ГЕМБ 1931/6, 47]. Наоборот, пока выводят невесту, во дворе жена ее брата начинает прясть – чтобы у молодых были дети [Родопи 1994, 178].

тые родители и появляющиеся у них дети заранее считаются несчастными во всем [Ркс., 173]¹³. Репертуар болгарских проклятий велик, в них используются предметный, растительный и др. коды: «*Дете да не роди (види)*» («*Чтоб ребенка не родила*»); «*Люлка да не люлее*» («*Чтоб колыбель не качала*»); «*Да цѣфне па да не върже*» («*Чтобы зацвела, но плод не завязался*»); «*Дано без деке устанѣш*» («*Чтоб ты без детей осталась*»); «*Дано авлетъ (челяд) ни видиш*» («*Чтобы ты детей не увидела*»); «*Да ти са забури имету*» («*Чтобы имя твое забылось*») [Родопи 1994, 119].

Проклятья входят в повседневный речевой обиход болгарских женщин, эти клише звучат очень часто. Информанты приводят множество быличек, повествующих о том, что проклятье сбылось к несчастью матери, произнесшей его не задумываясь. Так, рассказывают, как в одном селе родился немой ребенок, в чем винили его бабушку (мать отца): она в свое время прокляла сына за то, что он женился не на той, которую она ему выбрала [Ркс., 91]. Рассказывают также, что мать прокляла сына, который после женитьбы отделился, и его семья осталась бездетной [Ловешки край 1999, 350, примеч. 1]. Сбывается и проклятье оставленной невесты: парень женится на другой, и все его дети умирают в младенчестве [Там же, 373, примеч. 11].

В народной практике отмечается внимательное отношение к повседневному речевому поведению и, в частности, произнесению ругательств и проклятий. Так, в Средней Болгарии принято, чтобы мать, имеющая детей, обязательно носила кольцо: именно в него уходят все слова, которые ненароком вырвались из ее уст¹⁴. Представляется, что мотивация несчастливой, бездетной «взрослой» судьбы проклятием – яркая особенность бол-

гарской (балканославянской) традиции, где этот фольклорный (речевой) жанр очень развит и в наши дни считается действенным способом нанесения вреда.

В сложной народной картине мира вера в роль обстоятельств и случая вполне сочетается с представлениями о «заданности» репродуктивной судьбы. Обстоятельства рождения (время, лунная фаза и др.) младенца связываются с его будущими репродуктивными способностями во многих славянских традициях¹⁵. Согласно болгарским поверьям, в году есть три дня, когда во всем свете не идет дождь. Если в эти дни родится ребенок, он будет бесплодным [Ркс., 45].

В жизненный сценарий взрослых включаются эпизоды, которым народная традиция приписывает влияние на способность к деторождению, жизнеспособность ребенка, его свойства и качества. Так, например, мотив *встречи*, существенный в целом для всех народных традиций, важен и для поверий о «поворотах» в судьбе родителей¹⁶. В Болгарии, как и в других славянских странах, широко распространено поверье, что, если две невесты на пути к церкви встретятся,

¹³ Ср. восточнославянские поверья о том, что рожденный на меже, когда «*один месяц сошел, а другой еще не вззошел*» [Радзіны 1998, 127], будет бездетным; польское представление о том, что появившиеся на свет в августе не будут иметь детей и др. См. об этом: [Кабактова, Толстая 1995, 87]. Наоборот, будет многодетным, если родился в полдень [Радзіны 1998, 79]. См. также полесские материалы: [Кабактова 2001, 81–82].

¹⁴ Подобных историй записано немало. Так, Мара Минчева рассказала о своей тете, у которой умерло подряд несколько младенцев. Новорожденного сына она, в соответствии с народным обычаем, оставила на дороге в ожидании человека, который станет его крестным. Мальчика нашла Ана, и его крестили в ее честь – Ангел (повторив первые две буквы имени первой встречной). Сын прожил долгую, счастливую жизнь «*на радость своим родителям*» (зап. в 1993 г. от Мары Минчевой, 1905 г.р., с. Хилево Ловечской обл., Болгария [ЛАС]). Рассказ жительницы другого села: «*Сестра ми Катинка е фърлена. Намери я баба Катинка и я кръсти. И тя оцеля, след туй и аз се родих. Родителите ни бяха много щастливи*» («*Мою сестру Катинку так "бросили". Ее нашла бабушка Катинка и крестила. И она выжила, а потом и я родилась. Родители были счастливы*») (зап. в 1997 г. от Донки Русевой, 1925 г.р., с. Равна, Провадийская община, Варненская обл., Болгария [ЛАС]).

¹⁵ Ср. сюжет-мотив быличек В 4 «Сила материнского (отцовского) проклятья: мать (отец) проклинает детей» [Зиновьев 1987, 313].

¹⁶ По другим сведениям, женщины задумываются над буквальным смыслом проклятья. Так, одна мать часто проклинала своих детей, говоря: «*Да се разпръскате по цял свят и да не се видите*» («*Чтобы вы в разные места разбегались и никогда не встречались*»). Это проклятье сбылось (зап. в 1993 г. от Мары Минчевой, 1905 г.р., с. Хилево Ловечской обл., Болгария [ЛАС]).

они останутся бесплодными [Славов 1994, 105]¹⁷. Встреча и первый встречный – основные моменты в ритуале «продажи», «выбрасывания» новорожденного в семьях, где «не держатся» дети, совершаемом с целью изменить несчастливую судьбу родителей [Толстая 1992].

Рассматривая деторождение в свете счастливой / несчастливой судьбы родителей, необходимо упомянуть и о многочисленных *мантических* ритуалах (гаданиях). Они входят в состав родильной (пол младенца, его склонности, характер и пр., последующие беременности матери) и свадебной (количество детей, пол первенца) обрядности. В повседневном поведении «заглядывание» в будущее осуществляется через интерпретацию примет («Если девушка оставляет много крошек, у нее будет много детей» [Ркс., 219]), которые трактуются как «подсказки» судьбы.

Запретов и рекомендаций, связанных с деторождением, так много, что в рамках одной статьи дать их подробный анализ невозможно. Отметим лишь наиболее существенные с точки зрения их архаичности и универсальности / уникальности. Жизнь человека регламентируется с раннего детства, но особенно тщательно во время беременности женщины, в родильных обрядах, на свадьбе, в первый год после вступления в брак. Нельзя забывать, что «семейное», «личное» время вписывается в календарное. *Календарь* ограничивает контакты молодых супругов, для того чтобы зачать и родить здорового ребенка. Нарушение праздничных регламентаций порождает несчастливую судьбу матери, отца, семьи. Всем славянам известно поверье, что зачатые под праздники дети рождаются уродами, а это и клеймо на весь род, и плохое предзнаменование для всего села. Календарные предписания для празднования свадеб связываются с репродуктивным будущим молодых. Так, в Болгарии считается, что нельзя играть свадьбу от дня св. Петки (14 октября) до дня св. Димитрия (26 октября), иначе у супругов детей не будет [Родопи 1994, 114].

В календарную обрядность включено много дат, посвященных различным аспектам материнства. В Болгарии женщины, что-

бы забеременеть, празднуют день св. Андрия (30 ноября), св. Игната (20 декабря), св. Трифона¹⁸ (2 февраля). В эти дни молодые женщины раздают булочки (в память об усопших) и соблюдают запреты на домашнюю работу [Родопи 1994, 96]. Календарное обрядовое поведение призвано повлиять и на пол будущего младенца. Если в семье родятся одни девочки, мать «сердится» на Коледу: все празднуют, а она прядет в углу. Если одни мальчики, то же происходит на Лазаря [Ловешки край 1999, 352].

Тема репродукции как «квинтэссенции семейного счастья» особенно ярко проявляется в *свадьбе* [Власкина 2004, 18]. К указанным исследовательницей трем группам вербальных и акциональных элементов (обрядовые действия и благопожелания, апотропеические манипуляции и магические действия [Там же]) добавим еще и такие компоненты, как терминология (*детки* – ‘свадебные пряники’) и мантические обряды – загадывание и интерпретация примет. Для всех славянских традиций характерна развитая продуцирующая магия¹⁹, направленная на появление детей у молодоженов, на наличие мальчиков и девочек, на их внешность и характер²⁰. Типичный пример – это участие детей в свадебных ритуалах [Плотникова 1998].

В Болгарии для свадебного деревца выбирают растение с тремя веточками, чтобы были дети [Пловдивски край 1986, 222]. При вхождении в дом жениха сваты бросают себе

¹⁸ В Сербии в день св. Трифона молодые женщины, чтобы забеременеть, надрезают виноградную лозу [ГЕМБ 1978/42, 344]. Лечение бесплодных мужчин в Болгарии также происходит в этот день: надрезают кору на бесплодных деревьях, а мужчин бреют и надрезают кожу в трех местах.

¹⁹ На Русском Севере знахарь перед свадьбой моет невесту, заговаривает и завязывает на пояс несколько узелков, чтобы столько сынов она родила в браке [Русский Север 2001, 511]. Отправляя дочь к венцу, мать втыкает в ее рубашку иглу без ушка (для облегчения родов) так, чтобы игла прошла девять раз – тогда родится девять сыновей [Там же, 542].

²⁰ На свадьбе, а также после рождения ребенка совершаются обрядовые действия, призванные оттянуть срок беременности. Здесь используются мотивы *завязывания, запирания, закрывания, погашения огня* и др. Интересные приемы магической регуляции деторождения у казаков описаны в: [Власкина 2004, 20–21].

¹⁷ Если встретятся две матери грудных младенцев, дети умрут [СБНУ 1892/7, 128].

в сумки камушки, чтобы у молодых было много детей [Родопи 1994, 189]. На свадьбе, когда невеста выходит из родного дома, разбивают сосуд вина о колесо телеги: сколько черепков, столько у молодой будет детей²¹ [Сакар 2002, 157].

При замешивании свадебного каравая в муку добавляют мелко намолотые грецкие орехи, чтобы дети в доме велись и «щебетали» [Попчев 1999, 88]. Девушки и парни посыпают друг друга мукой, чтобы их дети были белокожими. В хлеб для невесты подсыпают мак, чтобы ребенок был черноволосям, чернобровым (болгарский эталон красоты) [СБНУ 1991/5, 39]²². При входе в дом мужа молодая жена заглядывает в очаг, чтобы дети были черноглазые [Ркс., без номера, с. Лесково, София]. За столом молодая женщина, у которой живы отец и мать, незаметно прячет угощения под белую салфетку, чтобы дети у молодых были богатыми и красивыми [Родопи 1994, 173].

В свадебном комплексе жених и невеста рассматриваются как потенциальные *родители*. Чтобы они не брезговали своими детьми, им дают миску с отбросами и они делают вид, что едят [Родопи 1994, 176]. В невесте видят будущую *мать*: чтобы ее не тошнило во время беременности, она пьет вино из ботинка мужа [Пловдивски край 1986, 227]; чтобы не болела грудь при кормлении, ей дают с ложечки молоко. По этой же причине в первую брачную ночь молодой не должен дотрагиваться до груди своей жены [Родопи 1994, 176].

Первая брачная ночь как кульминация свадьбы окружена строгими предписаниями и запретами, к ней приурочены благопожелания и продуцирующие магические действия. В Болгарии сваты подслушивают у дверей комнаты, чтобы дети не родились глухими²³ [СБНУ 1892/7, 128]. Результаты

брачной ночи, в частности отсутствие целомудрия у невесты, определяют не только сценарий свадьбы, но и будущую судьбу супругов как родителей. Считалось, что ответственность нужно сохранять до свадьбы, чтобы впоследствии на детях, рожденных в браке, не было клейма [Сакар 2002, 255], ср. серб. чтобы не страдали родственники невесты (вследствие нарушения невестой запрета ее братья и сестры могли найти плохих брачных партнеров [Златковић 2004, 75]). Сценарий брачной ночи хорошо иллюстрирует судьбу матери невесты. Если девушка честная, ее матери поют хвалебную песню: «*Ишала, машала, момина майка / Добро ѝе, добро ѝе чедо отгледала*» («*Слава тебе, мать девушки, хорошую дочь вырастила*») [Ловешки край 1999, 393, примеч. 81]. Хулительное ритуальное поведение принято по отношению к родителям невесты, оказавшейся нечестной.

Остановимся на гендерном аспекте семейной жизни и вкратце охарактеризуем традиционные взгляды на пол ребенка. Сын рассматривается как продолжатель рода, носитель семейного имени. Предпочтения родителей связаны и с их собственной судьбой как будущих свекра / свекрови или тещи / тещи, бабушки и деда (родители сына воспитывали его детей, называя внуков «наши» дети и передавая им свои имена; потомство дочери считалось детьми рода ее мужа [Сакар 2002, 374]).

Оценка девочки и мальчика с точки зрения их «пользы» дому, роду отражена во многих славянских паремиях, ср. болг.: «*На бащата заместникът пристигна!*» («*Родился помощник* (букв.: заместитель) *отца*»), «*Пироните у къщата се радая на момчето*» («*Даже гвозди в доме радуются появлению мальчика*»), «*Бре, още една жетварка се притури!*» («*Ну вот, еще одна жница появилась!*»), «*Женското не доноси, а износи*» («*Девочка не приносит, а уносит*») [Миљов 1991, 70]; «*Женската рож-*

²¹ Ср. идентичные действия, приуроченные к крестинам и имеющие продуцирующую семантику: в Белоруссии крестный разбивает горшок, повитуха приговаривает: «*Сколько будет черепков, столько будет детишек*» [Радзіны 1998, 153].

²² При ритуальном битье посуды после первой брачной ночи судят о том, какого цвета будут волосы будущего ребенка. Белая тарелка – белые и т.д. [Вятский край 2003, 14].

²³ К сожалению, сведений о болгарских обрядах первой брачной ночи не так много. Приведем несколько интересных сведений из соседней Югославии. Так, в северной Сербии молодым

кладут яблоко под солому, чтобы ребенок был крепким и здоровым, как яблоко [ГЕМБ 1936/11, 46]. Когда молодоженов ведут в комнату, разбивают сосуд и кричат «*Мушко!*» или «*Женско!*», желая супругам мальчика или девочку [ГЕМБ 1931/6, 47]. У русских рядом с брачной постелью кладут орудия крестьянского или ремесленного труда, чтобы рождались трудолюбивые сыновья [Русские 2003, 488].

ба е гостенка» («Дочь – гостья»)²⁴ [Ркс., 5]. Девочки даже не идут в счет. Если говорят «двое детей», значит, два мальчика [Ркс., 174].

Многие продуцирующие действия в свадебном комплексе имеют целью появление в семье первенца-сына²⁵. После венчания молодая подходит к очагу, чтобы родился мальчик [Сакар 2002, 299]. Свадебное деревце ломает младший брат жениха с криком: «Пусть первым родится мальчик!» [Сакар 2002, 307]²⁶. Действия и гадания, связанные с гендерными предпочтениями, передаются через различные коды женского и мужского (одежда, пища, левая / правая сторона, части тела, предметы, орудия труда и др.).

Детальная регламентация поведения с основной мотивировкой – чтобы не умирали дети – распространяется и на *жизнь в браке*. Так, по этой причине в Болгарии молодожену после обрядового бритья на свадьбе запрещается бриться в воскресенье [Странджа 1996, 284]. Особая роль отводилась раньше (сейчас это практически забыто в Болгарии) соблюдению запретов на половые контакты в определенные дни во избежание рождения ребенка с аномалиями²⁷.

²⁴ Ср. рус.: «Мальчик родится на подмогу, девочка – на потеху», «С сыном дом наживешь, с дочкой – остатки проживешь», «Растить дочку что лить в дырявую бочку» [Русские 2003, 502].

²⁵ Необозримо количество *гаданий* о поле первенца и последующих детей. Они приурочены к свадебному ритуалу, актуализируются при каждой беременности женщины и в родильной обрядности. На русском материале см.: [Науменко 1998, 15–23].

²⁶ Однако считалось, что счастливая судьба у тех родителей, в семье которых дети обоих полов, *мешани*, поэтому при появлении ребенка на свет кормилицу выбирали в зависимости от пола новорожденного. Если девочка, то первое кормление осуществляла мать мальчика [Милов 1991, 75]. На родине девочки гости приходят с мальчиками, чтобы дети были двух полов [Там же].

²⁷ Ср. украинские запреты и рекомендации. Молодому супругу нельзя работать в воскресенье. Один крестьянин рубил топором в воскресенье кончик ремня – жена родила ребенка с расщепленной верхней губой. В воскресенье молодая замужняя женщина не должна причесываться, а то волосы, оставшиеся на гребне, задуют во время родов ребенка. Супруги воздерживаются от половых контактов в субботу, чтобы не родились дети уродливые, больные, недолговечные, с физическими недостатками и пр. [Иванов 1904, 4, 6, 17].

Отсутствие детей в семье определяет поведение супругов на определенный период, до благоприятного исхода – появления младенца – или до принятия решения усыновить чужого²⁸. Магических действий, направленных на обретение желанного потомства, очень много, упомянем лишь одно, которое имеет непосредственное отношение к теме судьбы²⁹. Так, в Болгарии распространена практика «переворачивания» следа: вырезанный на земле след поворачивают в другую сторону, что знаменует поворот в судьбе [Странджа 1996, 261, примеч. 13].

Поведение *беременной* связывается с будущей способностью ребенка произвести на свет здоровое потомство. Беременная не должна прикасаться к иголке без нитки – иначе мальчик будет без полового члена, девочка будет страдать гинекологическими заболеваниями (болг. *зашиито, количево*) [Родопи 1994, 123]. Ср. также: если у беременной на одежде нитка, ее не обрезают, полагая, что иначе лишат ее сына в утробе полового члена [Сакар 2002, 58].

Уже с рождения младенца в повседневный уход включались ритуальные акты по обеспечению репродуктивных способностей или превентивные действия от бесплодия. Так, воду от первого купания новорожденного выливают под плодородное деревце, чтобы у него потом были дети [Ркс., 179]. В

²⁸ «Майката осинови детето, а след туй роди още четирима, отгледа ги» («Мать взяла ребенка, а потом родила еще четверых, вырастила их») [Пловдивский край 1986, 204]. В Болгарии в наши дни записано много рассказов о том, как после усыновления в бездетной до того семье родился ребенок [Воденичаров 1998, 25].

²⁹ Ср. вещие сны, обеты: «Не вярвах вече, че ще рода... И снувам една нощ, така виждам като наяве, влезе в стаята един благ човек, стар дядо, до леглото ми дойде и рече тихо: "Ще родиш син и ще го кръстиш Божидар"» («Я уже не верила, что рожу. И снится мне ночью, вижу, как наяву, старый благообразный человек входит в комнату, подходит к моей кровати и тихо говорит: "Родишь сына и назовешь его Божидар"») [Воденичаров 1998, 25]; «Братовчед ми осем години нямал деца. Жената забременя и го бяха обещали на Иисус Христос и го бяха кръстили Христина. Излезе здраво и даровито» («У моего двоюродного брата не было детей восемь лет. Жена его забеременела, и обещали девочку Иисусу Христу, и крестили Христиной. Девочка здорова и счастлива») [Тонкова, Неделчева 1998, 144].

восточной Болгарии грудного младенца заговаривали (лечили) от заболевания *клини* – иначе он останется бесплодным [Сакар 2002, 256]. Экспедиционные записи подтверждают веру в действенность этой практики: «*От това, че не беше заклинета като малка, казват. Малката ми дъщеря три години деца нямаше, а след туй се роди едно, друго*» («*Говорят, из-за того, что в младенчестве не заговаривали (не беше заклинета), поэтому детей нет. У моей младшей дочери три года детей не было, а потом один родился, потом и второй*») (зап. в 1997 г. от Мары Митевой (Златевой), 1919 г.р., с. Равна, Провадийская община, Варненская обл., Болгария [ЛАС]).

В *родинах* мотивы деторождения, плодovitости прослеживаются в действиях, направленных на здоровье и счастье новорожденного и его матери. Следует отметить действия с плацентой. По узелкам на ней гадают о последующих рождениях в семье (узелки наподобие сливовой косточки – это девочки, черешневой – мальчики) [Странджа 1996, 263, примеч. 21; Сакар 2002, 259]. Детское место закапывают под плодовым деревом, на ниве, чтобы женщина родила еще детей [Пловдивски край 1986, 213].

Контакт с роженицей благоприятен для тех, у кого нет детей, поэтому проводивать молодую мать спешат бездетные женщины. Повитуха кадит, стараясь, чтобы дым попал на пришедших гостей, начиная с бездетных, со словами: «*Да те накачи, та и ти да си имаш скору бебе*» («*Чтобы и ты забеременела, чтобы вскоре появился младенец*») [Ркс., 131]³⁰. Новорожденного же воспринимают в контексте следующих рождений в этой семье: уходя с празднования родин, женщины оставляют в колыбели монетку со словами: «*Да си купиш братче, сестриче*» («*Купи себе братика, сестричку*»). Ребенок, выросшая, выступает в роли *предсказателя*, с его помощью узнают о следующих детях матери. Если младенец перекрещивает ноги, значит, его мать скоро забеременеет [СБНУ 1991/5, 39]. Считалось, что, где родится первый ребенок, там же и все остальные [Ркс.,

219]. Если первое слово, произнесенное ребенком, – мужского рода, то следующий будет мальчик, женского – девочка [Ркс., 219].

Особенностями своего появления на свет (рождение в сорочке, чепце) ребенок приносит удачу всей семье. Он выступает в роли *защитника* своих родителей, в частности отца: кусочки зашитой сорочки («було») спасают его отца на войне [Капанци 1985, 172]. «*Като отивали мъжето на война: "Мари, дай ми малко було!"*, където имаше такова раждане. *Закърпваме отгоре – куришум да не ги засяга*» («*Когда мужчины или на войну, их жены просили кусочек сорочки в той семье, где было такое рождение, и зашивали мужьям в одежду, чтобы пули их не задевали*») (зап. в 1997 г. от Донки Русевой, 1925 г.р., с. Равна, Провадийская община, Варненская обл., Болгария [ЛАС]).

Рождение *близнецов* воспринимается амбивалентно: или это гордость родителей и их счастливая судьба, плодородие, или это наказание за грехи [Ркс., 125]. Мать близнецов, по поверьям, обладает особыми целительными способностями: «*Бог ее избрал*», она может заговаривать от испуга [Ркс., 175, 179], предупреждать выкидыши у беременных [Странджа 1996, 261]. В Болгарии, однако, сохранились запреты беременной есть двоянные фрукты, чтобы не родить двойню.

Смерть ребенка также рассматривается сквозь призму судьбы матери, отца и всего рода. В Болгарии до сих пор хорошо известны фольклорно-этнографические сюжеты, повествующие о приходе демонов судьбы («*орисници*») на третий день после рождения ребенка. Они предрекают трагическую смерть сына (дочери) в день бракосочетания, инцест, определяя таким образом не только судьбу ребенка, но и судьбу родителей. Изменить пророчество невозможно (см. подробнее: [Седакова 1994]).

Обозначим социально-обрядовый статус матери, потерявшей младенца. Она не может быть кормилицей [Родопи 1994, 132], впоследствии повитухой; к ней не заходят в дом после очистительной молитвы и пр. Судьба одинокой матери, лишившейся опоры, описывается в причитаниях: «*Стояночо... че си отиде млад-зелен и мене сама остави*» («*Стояночо... ушел из жизни молодым-зеленым, меня одну оставил*») [Странджа 1996, 294, примеч. 12].

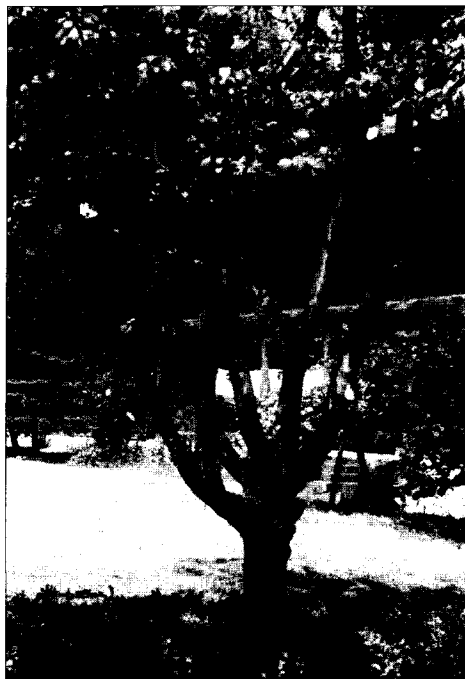
³⁰ Мотив раздачи чадородия известен всем славянам. Ср., например, украинский обычай нести с празднования угощение своим детям, чтобы и им Бог дал устроить «такую же кашу» [Украинцы 2002, 316].

Особое место уделяется судьбе женщины, делавшей аборт: считается, что на том свете ей приносят мясо младенца, чтобы она его ела [Ркс., 395; Странджа 1996, 260]³¹.

Итак, при всей самобытности и уникальности болгарской обрядовой системы и специфике ее развития некоторые универсальные черты картины мира – порой существенные, а порой, казалось бы, маловажные – остаются неизменными. Безусловно, это типично не для всех фрагментов духовной культуры, но в той ее части, которая соотносится с рождением ребенка и шире – с семейными обрядами, сохранность и воспроизводимость архаических черт в современном мире удивительна. Об этом свидетельствуют данные полевой работы последних лет как в восточнославянских, так и в других славянских странах. Сочетание языческих, народно-православных и церковно-христианских практик – характерная черта многих современных традиций, связанных с деторождением, в том числе и болгарской³². Вот один пример такого синкретизма. В Троянском монастыре (Болгария) растет дерево, которое считается священным. Оно целиком обвешено «мартеницами» (красными и белыми нитями, которые сплетают на 1 марта и носят на теле для того, чтобы быть «кровь с молоком»). Эти мартеницы привязывают к плодovому дереву, чтобы забеременеть, после этого заказывают в монастырском храме молебен.

³¹ Особый грех матери – «приспать» своего ребенка. Это становится ее судьбой, определяет ее ритуальное поведение. Ср. также судьбу матери, оставившей своего ребенка: *«Никъде за нея няма да има сладък хляб»* («Ей нигде не будет вкусен хлеб») [Сакар 2002, 396].

³² Это наблюдается и в России. Ср., например, цитирование на медицинском интернет-сайте народной молитвы на рождение детей, записанной Г.М. Науменко и опубликованной им в книге «Этнография детства», – «О зачатии и даровании детей»: *«Услышь нас, рабов Божиих Василия и Анну, / Услышь, Милосердный и Всемогущий Боже, / Да молением нашим ниспослана будет Благодать Твоя. / Будь милостив, Господи, к молитве нашей, / Воспомни закон Твой об умножении рода человеческого / И будь милостивым покровителем в безрешном зачатии...»* [Науменко 1998, 15–16]. Отметим также множество вотивов у икон Богородицы, «следы» посещения целебных источников и мн. др.

Священное дерево в Троянском монастыре, место паломничества бездетных женщин.

Универсальное варьируется не только в пределах одной славянской традиции, но даже и в границах одного села. Мысль П.Г. Богатырева о постоянном движении, изменении, разрастании магических действий и их значений «в зависимости от социальной среды либо от характеров отдельных лиц» [Богатырев 1971, 179], высказанная им в конце 1920-х гг., остается актуальной и отчасти объясняет специфику бытования обрядности и фольклора в современных условиях.

Литература

Бакалов 1992 – Бакалов К. Обретеник. Етнографски очерк. Русе, 1992.

Белоусова 2002 – Белоусова Е.А. «Водные дети»: представления о новорожденном в субкультуре движения за «естественные роды» // [Кодови 2002]. С. 222–240.

Богатырев 1971 – Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. М., 1971.

Власкина 2004 – Власкина Т.Ю. Родильно-крестильный обряд в комплексе репродуктивных представлений донского казачества // Традиционная культура. М., 2004. № 4. С. 16–26.

Воденичаров 1998 – Воденичаров П. За писанието и за живото предание. Даруваното, осиновеното и саможертва в автобиографични спомени // [Дарове 1998]. С. 23–29.

Вятский край 2003 – Семейные обряды Вятского края. М.; Котельнич, 2003.

Геров 1978 – Геров Н. Речник на българския език. Т. 5. София, 1978.

Дарове 1998 – Дарове и съкровища. Духовна приемственост на Балканите. Благоевград, 1998.

Добровольская 2004 – Добровольская В.Е. Суеверия родильно-крестильного комплекса в мировоззрении современного горожанина // Славянская традиционная культура и современный мир. Вып. 6. М., 2004. С. 36–46.

Зиновьев 1987 – Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.

Златковий 2004 – Златковий Д. Утврђивање невиности невесте у свадбеном ритуалу старопланинских села // Развитак. 2004. № 215–216. Зајечар. С. 75–78.

Иванов 1904 – Иванов П.В. Жизнь и поверья крестьян Купянского у. Харьковской губернии. Харьков, 1904.

Кабакова 2001 – Кабакова Г.И. Антропология женского тела в славянской традиции. М., 2001.

Кабакова, Толстая 1995 – Кабакова Г.И., Толстая С.М. Август // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 87–89.

Капанци 1985 – Капанци. Бит и култура на старото българско население в Североизточна България. [Этнографски и езикови проучвания]. София, 1985.

Кодови 1998 – Кодови словенских култура. Број 3. Свадба. Београд, 1998.

Кодови 2002 – Кодови словенских култура. Број 7. Деца. Београд, 2002.

Ловешки край 1999 – Ловешки край. Етнографски изследвания на България. София, 1999.

Мильов 1991 – Мильов С. Иворна вода. София, 1991.

Науменко 1998 – Этнография детства: Сб. фольк. и этногр. мат. / Зап., сост., нот. Г.М. Науменко. М., 1998.

Пловдивски край 1986 – Пловдивски край. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания. София, 1986.

Плотникова 1995 – Плотникова А.А. Бесплодие // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 1. М., 1995. С. 166–168.

Плотникова 1998 – Плотникова А.А. Ребенок в свадебном обряде южных славян // [Кодови 1998]. С. 27–41.

Попчев 1999 – Попчев Зл. Кръвта е топла. Шумен, 1999.

Радзіны 1998 – Радзіны. Абрад. Песні. Мінск, 1998.

Родины 2001 – Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М., 2001.

Родопи 1994 – Родопи. Традиционна народна духовна и социалнонормативна култура. София, 1994.

Рождение ребенка 1997 – Рождение ребенка в обычаях и обрядах. Страны зарубежной Европы. М., 1997.

Русские 2003 – Русские. М., 2003.

Русский Север 2001 – Русский Север. Этническая история и народная культура. XII – XX века. М., 2001.

Сакар 2002 – Сакар. Етнографски проучвания на България. София, 2002.

Седакова 1994 – Седакова И.А. Славянобалканские демоны судьбы: Трансформации во времени и в пространстве // Время в пространстве Балкан. М., 1994. С. 42–63.

Седакова 1998 – Седакова И.А. Матримониальные мотивы в славянских родинах // [Кодови 1998]. С. 11–120.

Седакова 2004 – Седакова И.А. Имя и традиция // Славянский вестник. Вып. 2. М., 2004. С. 314–323.

Седакова 2005 – Седакова И.А. Заимствованное слово и его этнокультурное содержание: болгарский язык // Вопросы языкознания. 2005. № 3. С. 44–52.

Славов 1994 – Славов Ст. Илиянци – факти, събития, родове. София, 1994.

Странджа 1996 – Странджа. Етнографски, фолклорни и езикови проучвания на България. София, 1996.

Толстая 1992 – Толстая С.М. Магия против смерти // Балканские чтения-2. Симпозиум по структуре текста. М., 1992. С. 52–58.

Тонкова, Неделчева 1998 – Тонкова Д., Неделчева Я. Собствено име – дар или наследство // [Дарове 1998]. С. 142–149.

ТК Урала 2000 – Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области. Вып. 3. Екатеринбург, 2000.

Украинцы 2002 – Украинцы. М., 2002.

Сокращения

ГЕМБ – Гласник Етнографског музеја у Београду. Београд, 1926–. Кн. 1–.

ЛАС – личный архив И.А. Седаковой. Материалы в с. Равна (Провадийская община, Варненская обл.) собирались по программе Малого Диалектологического атласа балканских языков и хранятся также в Институте лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). Экспедиция в с. Шипково Ловечской обл. проводилась в рамках деятельности болгарского общества ДИОС.

Ркс. – рукописный архив Ст. Романского. Хранится в Библиотеке Софийского Университета им. св. Климента Охридского, Болгария. Архив представляет собой собрание свыше 400 дипломных работ по этнографии и духовной культуре различных сел Болгарии. Материалы в селах записывались студентами Софийского Университета в 1930 – 1940-е гг. Каждая работа имеет порядковый номер, на который в статье дается ссылка.

СБНУ – Сборник за народни умотворения, наука и книжнина. София, 1889–. Кн. 1–.